

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Том 30, № 4

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2025

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Vol. 30, № 4

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2025

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2025 Том 30, № 4

Раздел I. АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Гатин М. С., Абзалов Л. Ф., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю.</i> Эволюция статуса раиса в государствах Средневековья и Нового времени (опыт сравнительного анализа)	7
<i>Горячев А. А.</i> Захоронения кремированных останков в керамических урнах по материалам могильников эпохи бронзы Семиречья (Юго-Восточный Казахстан)	26
<i>Марсадолов Л. С.</i> О каменных изваяниях из Тувы (по материалам экспедиций Александра Даниловича Грача)	50
<i>Пилипенко А. С., Трапезов Р. О., Черданцев С. В., Томилин М. А., Папин Д. В.</i> Предварительные результаты палеогенетических исследований Бобровского грунтового могильника (леосостепной Алтай)	70
<i>Ходжаева Н. Дж.</i> К вопросу о семантике изображений на крышке сосуда с Тахти-Сангина	93
<i>Шнайдер С. В., Холматов Н. У., Рахимжанова С. Ж., Федорченко А. Ю., Рендю У, Марковский Г. И.</i> Неолитические материалы со стоянки Тепакуль-4 (Зеравшанский хребет, Узбекистан)	114

Раздел II. ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Китинов Б. У.</i> Туглук Тимур и особенности политико-религиозного развития Могулистана (середина XIV в. — начало XV в.)	137
<i>Баимов А. Г., Тузбеков А. И.</i> Эзотерики в археологическом пространстве Республики Башкортостан: нетнографическое исследование	165
<i>Петров И. Г.</i> Пища и связанные с ней запреты и ограничения в похоронно-поминальной обрядности чувашей	187
<i>Садалова Т. М.</i> О характеристике богатырского лука в эпических сказаниях	205

Раздел III. РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Ворошин С. Д.</i> Репрезентации феномена святости в искусстве строгановских вотчин в контексте государственно-конфессиональной политики	220
<i>Дашковский П. К., Ильин В. Н.</i> Численный состав и классификация старообрядцев Томской губернии в последней четверти XIX — начале XX в. в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи	240
<i>Чуркин М. К., Маткаримова С. М., Абдуллаева Н. Б.</i> Дискурс и практики переселенческого дела в Туркестанском крае во второй половине XIX — начале XX в.: этноконфессиональный аспект	259

ДЛЯ АВТОРОВ	280
--------------------------	-----

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2025 Vol. 30, № 4

Section I. **ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY**

<i>Gatin M. S., Abzalov L. F., Mustakimov I. A., Pochekaev R. Yu.</i> Evolution of the legal status of ra»is in the states of Medieval and Modern Ages (comparative analysis).....	7
<i>Goryachev A. A.</i> Cremated remains in ceramic urns from Bronze Age burials in South-Western Semirechye.....	26
<i>Marsadolov L. S.</i> On stone sculptures from Tuva (based on the materials of the expeditions of Aleksandr Danilovich Grach).....	50
<i>Khojaeva N. J.</i> On the semantics of images on the lid of a vessel from Takht-i Sangin	70
<i>Shnaider S. V., Kholmatorov N. U., Rakhimzhanova S. Z., Fedorchenko A. Y., Rendu W., Markovskii G. I.</i> The Neolithic complex of the Tepakul-4 site (Zeravshan range, Uzbekistan)	93
<i>Pilipenko A. S., Trapezov R. O., Cherdantsev S. V., Tomilin M. A., Papin D. V.</i> Preliminary results of paleogenetic studies of the Bobrovsky ground burial (forest-steppe Altai)	114

Section II. **ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY**

<i>Kitinov B. U.</i> Tughluk Timur and the Peculiarities of the Political and Religious Development of Moghulistan (mid-14th century — early 15th century)	137
<i>Baimov A. G., Tuzbekov A. I.</i> Esoterica in the archaeological space of the Republic of Bashkortostan: netnographic research.....	165
<i>Petrov I. G.</i> Food and related prohibitions in Chuvash funeral and memorial rites.....	187
<i>Sadalova T. M.</i> On the characteristics of the Heroic Bow in Epic Tales	205

Section III. **RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS**

<i>Voroshin S. D.</i> The phenomenon of holiness and its representations in the art of Stroganov estates in the context of state-confessional policy	220
<i>Dashkovskiy P. K., Ilyin V. N.</i> Numerical structure and classification of the old believers of the Tomsk province in the last quarter of the 19 th — beginning of the 20 th centuries in the context of the state-confessional policy of the Russian empire	240
<i>Churkin M. K., Matkarimova S. M., Abdullaeva N. B.</i> Discourse and practices of migration in Turkestan region in the second half of the 19 th — early 20 th centuries: ethno-confessional aspect	259

FOR AUTHORS	280
--------------------------	-----

УДК 904.031.013

DOI 10.14258/nreur(2025)4–05

*Н. Дж. Ходжаева**Институт истории, археологии и этнографии имени А. Дониша НАНТ, Душанбе
(Таджикистан)*

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА КРЫШКЕ СОСУДА С ТАХТИ-САНГИНА

В статье рассматривается семантика изображений на каменной крышке сосуда с Тахти-Сангина, одного из самых известных археологических памятников не только Таджикистана, но и Центральной Азии второй половины I тыс. до н. э. — начала I тыс. н. э. Уникальность находки заключается в том, что впервые предмет искусства, пополнивший галерею шедевров бактрийской культуры, был обнаружен не в храме Окса, а в жилом квартале города. На крышке сосуда запечатлён зооморфный фриз с изображениями лошадей и газелей, а также геометрический орнамент, состоящий из крестов, квадратов, кругов и треугольников.

Крышка сосуда с Тахти-Сангина оказалась весьма интересной с точки зрения не только техники исполнения и функционального назначения, но и семантики изображений на ее поверхности. До настоящего времени этой уникальной находке было посвящено несколько публикаций, однако вопрос семантики изображений на ней не был подробно освещен. Автор статьи предлагает восполнить этот пробел.

Сравнительный анализ изображений на каменной крышке сосуда с Тахти-Сангина с письменными источниками, археологическим и этнографическим материалами дает основание предположить, что образы животных и орнамент на крышке носят культовый характер и связаны с культом плодородия, демонстрируя в целом цикл религиозных представлений населения Северной Бактрии, которое даже после прихода греков продолжало оставаться верным своей древней религии — зороастризму.

Ключевые слова: крышка сосуда, Тахти-Сангин, семантика, конь/лошадь, крест, круг, квадрат, треугольник, авестийские божества, зороастризм, ритуальный сосуд

Для цитирования

Ходжаева Н. Дж. К вопросу о семантике изображений на крышке сосуда с Тахти-Сангина // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30, № 4. С. 93–113. DOI 10.14258/nreur(2025)4–05.

Ходжаева Наргис Джомиевна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Национального музея древностей Таджикистана Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук

Таджикистана, Душанбе (Таджикистан). Адрес для контактов: rangha@mail.ru;
<https://orcid.org/0009-0005-6540-0915>.

N. J. Khojaeva

A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography (NAOT), Dushanbe (Tajikistan)

ON THE SEMANTICS OF IMAGES ON THE LID OF A VESSEL FROM TAKHT-I SANGIN

The article considers the semantics of images on the stone lid of a vessel from Takht-i Sangin, one of the most famous archaeological sites not only in Tajikistan, but also in Central Asia in the second half of the 1st millennium BC — the beginning of the 1st millennium AD. The uniqueness of the find is to in the fact that for the first time an object of art, which replenished the gallery of masterpieces of Bactrian culture, was discovered not in the Temple of the Oxus, but in a residential area of the city. The lid of the vessel features a zoomorphic frieze with images of horses and gazelles, as well as a geometric ornament consisting of crosses, squares, circles and triangles.

The lid of the vessel from Takht-i Sangin is of interest not only from the perspective of its craftsmanship and functional purpose but also in terms of the semantic content of the images on its surface. To date, several publications have been devoted to this unique find; however, the semantic interpretation of its images has not been thoroughly explored. The author of this article aims to address this gap.

A comparative analysis of the images on the stone lid of the vessel from Takht-i Sangin with written sources, archaeological and ethnographic materials give us reason to assume that the images of animals and the ornament on the lid are of a cult nature and are associated with the cult of fertility, demonstrating, in general, the cycle of religious beliefs of the population of Northern Bactria, which even after the arrival of the Greeks continued to remain faithful to their ancient religion, Zoroastrianism.

Keywords: vessel lid, Takht-i Sangin, semantics, horse/horse, cross, circle, square, triangle, Avestan deities, Zoroastrianism, ritual vessel

---

For citation:

Khojaeva N. J. On the semantics of images on the lid of a vessel from Takht-i Sangin. *Nations and religions of Eurasia*. 2025. T. 30, № 4. P. 93–113 (in Russian). DOI 10.14258/nreur(2025)4–05.

Khojaeva Nargis Jomievna, Doctor of Historical Sciences, National Museum of Antiquities of Tajikistan of the A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography, National

---

Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe (Tajikistan). **Contact address:** rangha@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0005-6540-0915>.

Введение

Тахти-Сангин — один из самых известных и важных археологических памятников истории и культуры Центральной Азии второй половины I тыс. до н. э. — начала I тыс. н. э. Городище находится на территории Кубодиёнского района Хатлонской области Республики Таджикистан, которая в древности входила в состав Бактрии. Памятник стоит ниже слияния Вахша с Пянджем, откуда берет начало Амударья. Город Тахти-Сангин функционировал в конце V в. до н. э. — III в. н. э., включая ахеменидский¹, раннекушанский, позднекушанский и кушано-сасанидские периоды. Город состоит из укрепленной цитадели и жилых районов вокруг нее. Площадь города достигает 105 га, из которых 83 га (3000 м x 100–450 м) — жилые районы [Дружинина, 2004: 224; Drujinina, 2016: 88–91]. На цитадели, расположенной в центре городища, стоял храм Окса [Литвинский, Пичилян, 2000; Литвинский, 200, 2010] — эталонный образец храмов восточного типа по всей истории архитектуры [Пичилян, 1991: 9]. Свое название это монументальное сооружение получило по обнаруженной в северной части коридора № 2 votивной надписи, где упоминается слово Окс (др. греч. Ὠξος) [Пичилян, 1986: 117, 121–122; Литвинский, Виноградов, Пичилян, 1985; Пичилян, 1991: 171; Литвинский, 2010: 195–2002].

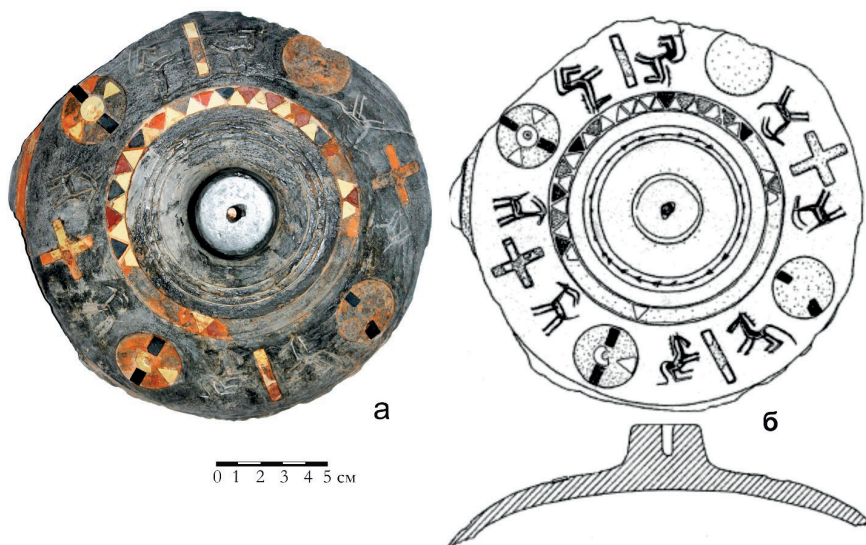
На сегодняшний день на цитадели городища полностью раскрыт храм Окса, обнаружены и раскопаны остатки административного здания, улицы и бронзолитейной мастерской. Изучены также жилые кварталы с многочисленными постройками и оборонительные стены. Кроме того, археологические исследования показали, что Тахти-Сангин имел некрополь и к северу от города округу площадью 20 га, простиравшуюся на 1000 м вдоль реки Вахш на север в сторону слияния его с рекой Пяндж (см.: [Ходжаева, 2023: 80, 125–126]).

За время раскопок на памятнике было обнаружено более 10 тысяч целых и фрагментарных находок, датированных VI в. до н. э. — III в. н. э. (см.: [Ходжаева, 2023: 127]). Основная часть находок, среди которых — сотни произведений искусства, находилась в храме Окса. Многие из артефактов не имеют аналогов в центральноазиатском искусстве. Следует отметить, что в последние десятилетия были найдены уникальные находки и в жилых районах города. Среди них следует отметить крышку каменного сосуда, обнаруженную в 2003 г. в северной части сооружения № 368 в южной половине городища (участок Юг-2) [Дружинина, 2004: 225, рис. 2; 2004а: 98, рис. 2] (рис.-а).

Первое подробное описание крышки было осуществлено А. П. Дружининой: «Крышка круглой формы диаметром 19 см из серо-черного сланца хорошо сохранилась» [Дружинина, 2004: 225]. Внешняя поверхность крышки оформлена инкрустаци-

¹ Результаты археологических исследований на памятнике в 1998–2022 гг., а также раскопки 1976–1991 гг. дают основание утверждать об основании Тахти-Сангина в V в. до н. э., а не в конце IV в. до н. э., как предполагалось ранее [Francfort, 2023: 10–11; Дружинина, 2023: 23–45; Ходжаева, 2023: 239–255].

ей из тонких каменных пластин и резьбой. Борт крышки имеет два узких и одно широкое орнаментальное поле. Узкое внешнее поле образует инкрустация из посаженных встык маленьких прямоугольных пластинок светло-желтого стеатита, сохранившихся только в виде мелких осколков. Узкое внутреннее поле инкрустировано чередующимися треугольниками из красной яшмы, светло-желтого стеатита и синего ляпис-лазурита.

Крышка сосуда с городища Тахти-Сангин: а — см. : [Дружинина, 2004а: 99, рис. 2];

б — вид сверху и разрез (рисунок А. Салиева [Дружинина, 2004а: 100, рис. 3])

Lid of a vessel from Takht-i Sangin: а — [Druzhinina, 2004a:99, fig. 2]; б — Top view and section (Drawing by A. Saliev [Druzhinina, 2004a:99, fig. 3])

На участке между ручкой крышки и орнаментальной полосой из треугольников также прочерчены три concentрических желобка. Узкими полями обрамлено широкое поле с зооморфным фризом, запечатлевшим по две пары лошадей и газелей. Животные показаны в профиль, фигуры повернуты к друг другу и разделены орнаментальным элементом: газели — крестом, лошади — вытянутым прямоугольником. Фигуры животных разделены розетками, крестами и вытянутыми прямоугольниками» [Дружинина, 2004а: 99, рис. 2; 101, рис. 5] (рис. — а, б).

До настоящего времени крышке с зооморфным фризом с Тахти-Сангина было посвящено несколько публикаций. К ним относятся с статьи руководителя тахтисангинского археологического отряда Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана А.П. Дружининой [Дружинина, 2004; 2004а]. В своем первом опубликованном исследовании ученая акцентировала внимание на особенностях техники исполнения и функциональном назначении крышки. Что касается семантики изображений на поверхности крышки, то она отмечает, что мотив можно трактовать как в восточноиранском, так и в эллинистическом ключе [Дружинина, 2004а: 104]. При этом ученый оставляет этот вопрос открытым.

Л. Додхудоева, анализируя наследие Тахти-Сангина в современной культуре Таджикистана, отмечает, что мотивы изображений на крышке имеют греческие корни [Додхудоева, 2023: 75].

Необходимо подчеркнуть, что крышка с зооморфным фризом и орнаментом из геометрических фигур оказалась весьма интересной с точки зрения не только техники исполнения и функционального назначения, но и семантики изображений на ее поверхности.

Орнамент является одним из древнейших способов отображения окружающего мира и правил, а также культурных традиций, установленных в обществе. Заметим, что на формирование орнамента и символики в любые исторические периоды оказывали влияние факторы окружающей среды и религиозных воззрений, определяющие основы поведения человека в быту как один из механизмов поддержания традиции в системе национальной культуры, одновременно являясь знаком этнической идентичности. Оригинальное оформление крышки в виде зооморфного фриза и орнамента из различных геометрических фигур свидетельствует о том, что мастер следовал традиции, которая имеет глубокие корни и отображает уровень духовного развития населения Тахти-Сангина, одного из городов Северной Бактрии.

Следовательно, определение семантики изображений на крышке дает возможность понять, какой уровень развития духовной жизни был у бактрийцев — предков таджикского народа. Таким образом, возникла необходимость обратиться к данной проблематике. Используя комплексный метод исследования, мы привлекли археологический и этнографический материалы, а также письменные источники.

Функциональное назначение, техника исполнения и датировка крышки

Следует отметить, что на территории, где располагалась Бактрия, подобные каменные крышки с зооморфным фризом до недавнего времени были обнаружены только на городище Ай-Ханум [Francfort, 1976] на левобережье Амударьи, то есть в Южной Бактрии. Крышки с Ай-Ханум имеют отличие от крышки с Тахти-Сангина. На крышках с Ай-Ханум имеется два варианта изображения животных: три бегущие и шесть стоящих лошадей, повернутых парами друг к другу, а также три лошади и три барана, бегущие по кругу [Guillaume, Rougeulle, 1987: pl 6, 1,4]. На крышках с Тахти-Сангина запечатлены по две пары лошадей и газелей, которые, в отличие от крышек с Ай-Ханум, разделены геометрическими фигурами. Кроме того, изображенные фигуры животных на крышках с обоих памятников различаются по углу наклона корпуса, постановке ног и качеству исполнения рисунка.

А. П. Дружинина отмечает, что «крышка с Тахти-Сангина является составной частью каменного сосуда с крышкой» [Дружинина, 2004: 225–226; 2004а: 101–102]. Обращаясь к функциональному назначению находки, ученая проводит сравнительный анализ крышки с Тахти-Сангина с крышками с Ай-Ханум. Она пишет: «А.-П. Франкфор [Francfort, 1976: 91] относит такие сосуды к пиксидам, которые служили для хранения мазей, пряностей или украшений и изготавливались из различных материалов» [Дружинина, 2004а: 101]. Заметим, что крышки с Тахти-Сангина и Ай-Ханум изготовлены из камня. Такие сосуды использовались женщинами в древней Греции. А.-П. Франкфор, сравнив обнаруженные сосуды-пиксиды в Бактрии с древнегреческими пикси-

дами, констатирует, что «бактрийские формы сосудов-пиксид не повторяли греческие образцы, а имели свои местные корни не только по форме, но и по технике исполнения изделий, которая известна в Бактрии с эпохи бронзы» [Francfort, 1976: 91].

А. П. Дружинина справедливо указывает на «отсутствие в восточноиранских языках названия и этнографического термина сосудов, которые закрывала данная крышка» [Дружинина, 2004а: 101]. Поэтому исследователь называет их «сосудами-пиксидами, которые в древней Греции использовали для хранения масел, пряностей и украшений» [Дружинина, 2004а: 101]. Таким образом, А. П. Дружинина подвергает сомнению подобное функциональное назначение таких сосудов в Северной Бактрии, в том числе и на Тахти-Сангине [Дружинина, 2004а: 102, 104].

При изготовлении крышки были использованы техника резьбы по камню, инкрустации по камню и пасты, а также полировка. Что касается датировки, то А. П. Дружинина определяет ее по керамике, найденной вместе с крышкой, и предположительно относит к III–II вв. до н. э. [Дружинина, 2004: 226; 2004а: 104].

Семантика изображений на крышке

Семантика изображений на каменной крышке с Тахти-Сангина представляет большой интерес для исследователей. Это объясняется тем, что через орнаментальное оформление крышки мы сможем раскрыть духовный мир не только человека, который ее изготовил, но и в целом населения Тахти-Сангина. Итак, внутреннее узкое поле крышки инкрустировано треугольниками, а широкое — зооморфным фризом, на котором изображены по две пары лошадей и газелей. Фигуры животных разделены розетками, крестами и вытянутыми прямоугольниками [Дружинина, 2004: 100, рис. 3] (рис.-б). Подобное сочетание встречается впервые.

У древних иранцев отношение к животным было сакральное, о чем свидетельствует «Авеста». Особое место в зороастрийской мифологии занимал конь/лошадь, и это не случайно. О. И. Каландарова, проведя анализ семантики образа коня в сюжетах ювелирных украшений Бактрии-Тохаристана и Согда, отмечает, что конь в жизни народов Центральной Азии, особенно таджиков, всегда «являлся объектом особого почитания, поскольку был связан с авестийским пантеоном богов. Так, богиня плодородия Ардвисура Анахита — Arəduuī-sūrā Anāhitā восседает в колеснице, запряженной четырьмя белыми жеребцами (Yt. 5. 11, 12) [Avesta; Авеста, 1998], которые ассоциируются с дождем, ветром, облаком и градом, дающими влагу («Яшт» 5. 120), что указывает на прямую связь коня с культом плодородия. Солярное божество Митра — Mithra обладает «быстрыми», «яростными», «четырьмя белыми конями», запряженными в колесницу («Яшт» 10. 12, 47, 52, 67). Бог Тиштрия — Tištriia, управляющий дождем и всеми водами, мчится на белом коне с золотой уздой («Яшт» 8. 20, 26). Одним из воплощений Вэрэтрагны — Vərəθraγna является белый конь с золотой уздой, над чьей головой вздымались «мощь и сила» («Яшт» 14. 9) [Каландарова, 2020: 127]. Ученая приходит к важному заключению: «...конь у древних иранцев ассоциировался с силами природы, контролируемые Ардвисурой-Анахитой — богиней плодородия, Митрой — солнечным божеством и Тиштрией — богом дождя, от которых зависит земледельческий цикл». Автор статьи поддерживает данную точку зрения.

Следует отметить, что в авестийском пантеоне упомянут еще один бог — Вайу (авест. *vaūu-*, *vāta-*), бог ветра. В «Авесте» ему посвящен пятнадцатый гимн («Рам-яшт»), где он описывается как воин на золотой колеснице (Yt. 15.57). В ведическом пантеоне Вайу также является богом ветра. Он перемещается на колеснице, запряженной лошадьми (РВ. VIII. 48). Е. Е. Кузьмина полагает, что Вайу принимал и облик коня [Кузьмина, 1977а: 53]. Сотворенный Ахура-Маздой (Ys. 42.3) Вайу является посредником между небом и землей, он гоняет дождевые тучи. А это значит, что от него тоже зависит хозяйственная жизнь земледельца. Таким образом, Вайу так же, как и Ардвисура Анахита, Митра и Тиштрия, участвует в земледельческом цикле древних иранцев.

У индоиранцев конь отождествлялся с верховным богом и царем. Е. Е. Кузьмина отмечает: «В „Ригведе“ и „Авесте“ солнце носит постоянный эпитет „быстроходное“. Представление солнца в виде конной колесницы, или только ее части — колеса или коня — характерно для всех индоиранских народов, что отражено в изобразительном искусстве. Образ Сурьи в виде коня традиционно сопровождается свастикой. То же известно в Скифии и Хорезме (на монетах I в. н. э.), что, учитывая древность общих представлений, позволяет интерпретировать и этот образ как символ солярного высшего божества» [Кузьмина, 2004: 118]. Заметим, что в ведической традиции бог солнца Сурья — *Sūrya* (букв «Солнце») также изображен верхом на колеснице, запряженной семью лошадьми (РВ. I. 121.13, 175.4; IV. 30.4; V. 45.9) [Ригведа, 1999; 1999а].

О том, что конь способен воплотить бессмертие царя, свидетельствует индийский обряд жертвоприношения белого коня «ашвамедха» — *śvamedhā* (РВ I. 6.1,2, 162; IV. 39.6), который является одним из важнейших обрядов, связанных с царской властью.

Конь фигурировал в ритуальной погребальной практике ахеменидских царей, о чем сообщают Страбон (XV. 3. 7) [Страбон, 1964] и Арриан (VI. 297) [Арриан, 1993].

О связи коня с солнцем свидетельствуют «Авеста» (Yt. 6. 1, 46, 7; 10. 13, 47, 52, 76, 102) и античные авторы (Страбон, XI, 8, 6), отмечающие жертвоприношения этому небесному светилу. Это свидетельствует о том, что иранские племена почитали Солнце так же, как и Ардвисуру, то есть оно тоже имеет отношение к плодородию. На то, что корни всех жертвоприношений животными лежат в магии плодородия, указывал С. П. Толстов [Толстов, 1948: 207]. Разумеется, жертвенное животное само должно быть причастно солярному культу, что подтверждается «Авестой».

Легенды о конях сохранились и в китайских источниках III–VII вв., где зафиксированы предания о «небесных конях» Давани (Фергана), которых невозможно поймать, а также о «божественном» коне, живущем на вершине одной из гор Тохаристана (см.: [Бичурин, 1851: 4, 255; Pulleyblank, 1966: 31]). Для нашего исследования представляют интерес и предания населения Тохаристана о скульптуре бронзовой лошади золотистого цвета, имеющей божественное происхождение и появляющейся в начале нового года в храме небесного огня, который стоит посреди реки Wohu-Окса, в низине, образуемой двумя рукавами реки (см.: [Drège J.-P., Grenet, 1987: 117–118]).

По мнению Ф. Грене, «храм небесного огня связан с Оксом-Вахшем и функционировал в VIII в. на острове посреди реки» [Drège J.-P., Grenet, 1987: 118]. Автор статьи поддерживает точку зрения Б. А. Литвинского, о том, что «китайский путешественник услышал легенды, сохранившиеся у местного населения о храме Окса, уже после того,

как он был разрушен» [Литвинский, Пичикян, 2000: 316]. Более того, Ф. Грене сопоставил рассказ о ежегодно выходящем из вод реки золотистом коне с одной из ипостасей авестийского Тиштрия, «златоухого и с золотой уздой» («Яшт» 8. 18) [Drège J.-P., Grenet, 1987: 121]. Данное сопоставление — наглядный пример устной передачи из поколения в поколение населения Бактрии-Тохаристана легенд, связанных с зороастрийской религией.

Аналогичные верования, связанные с небесным конем, были широко распространены в древней и средневековой Центральной Азии, а эпос и фольклор центральноазиатских народов донесли эти верования до современности [Беленицкий, 1948; 1978; Кузьмина, 1977]. Так, некоторые древние образы не утрачивают своей значимости в современной этнокультуре таджиков и других народов Центральной Азии. Например, у населения региона до сих пор существуют отголоски древних верований и представлений о коне, корни которых уходят в доисламский период, когда зороастризм был господствующей религией в регионе. Особенно это прослеживается у таджиков как в свадебных и похоронно-поминальных обрядах, так и в других семейных и календарных обрядовых циклах. По мнению Л. Чвырь, «исторические превращения персонажей древних, доисламских культов и религий в героев народной среднеазиатской мусульманской мифологии можно считать закономерностью, типичным способом включения архаичных (по происхождению) неисламских персонажей в повседневный мусульманский контекст» [Чвырь, 2018: 86]. Об этом свидетельствуют легенды таджиков о чудесных водяных конях «аспи оби», от которых ведет свое происхождение известная порода «хуттальских» скакунов. С. П. Снесарев отмечает, что сказочный персонаж аспи-оби фигурирует повсеместно в Центральной Азии [Снесарев, 1969: 122].

Следует отметить интересные сведения о свадебных обрядах таджиков конца XIX — начала XX в., многие из которых сохранились даже и в наше время. Так, в Гиссарской долине и Раште невесту везли в дом жениха на лошади, украшенной разноцветными лентами, платками и вышитым сюзане. У ворот дома невесту встречали родственники, которые разжигали костер. Лошадь с невестой три раза обводили вокруг костра. Прежде чем снять невесту с лошади, полагалось кормить животное три раза ячменем, смешанным с кишмишем. После этого невеста сходила на землю, а жених должен был три раза перепрыгнуть через лошадь [Мардонова, 1995: 205]. Лошадь также присутствовала и в свадебной церемонии горнобадахшанцев [Андреев, Половцев, 1911: 15].

Лошадь была обязательной частью выкупа за невесту — «кола». В некоторых районах Таджикистана оседланная лошадь была обязательным предсвадебным подарком. По случаю свадьбы устраивали также и козлодрание («чавандози», «бузкаши»)² [Мардонова, 1995: 204].

Л. Додхудоева констатирует, что «до сих пор у таджиков в детском сорокадневном периоде „чилла“ колыбель иногда называют деревянным конем» [Додхудоева, 2023: 93]. У таджиков Гиссарской долины было принято дарить новорожденному мальчику жеребенка. Так, в честь первого выезда сына на коне отец должен был угощать своих друзей [Мардонова, 1995: 204].

² Козлодрание — борьба всадников за обезглавленную тушу козла

Что касается погребально-поминального обряда, то отголоском древнего обряда посвящения коня покойнику зафиксирован почти во всех районах Таджикистана, где в день смерти хозяина дома накрывали черным или синим покрывалом, оседланного коня и держали рядом с носящими траур близкими. Затем вслед за гробом коня проводили к могиле [Хамиджанова, 1980: 92; Мардонова, 1995: 209–216]. У таджиков Гиссарской долины зафиксирован также обряд оплакивания наряженного коня покойного [Мардонова, 1995: 209–210].

Присутствие коня в свадебных и похоронных обрядах Л. Чвырь объясняет тем, что конь в этих обрядах «символизирует не просто путь, а ритуальный переход с преодолением какого-либо рубежа. Именно благодаря способности „мгновенно“ преодолевать лиминальную зону между „человеческим“ и хтоническим мирами конь прежде всего и ассоциируется со смертью» [Чвырь, 2018: 69]. Отзвук хтонических представлений о коне наблюдается у таджиков и в названии похоронных носилок — «деревянный конь» («аспи-чуби») [Писарчик, 1976: С. 135].

Интересные этнографические сведения, связанные с олицетворением коня с богом ветра Вайу в земледельческих обрядах таджиков верховья Зарафшана, приводит У. Эшонкулов. Ученый пишет: «Если во время молотбы зерна ветер затихал, земледельцы-веяльщики говорили: „Хайдах кокул хез-хез“ — „Хайдах с косами, вставай“. Старотаджикское слово „Хайдах“, обозначающее „молодого горячего коня“, а под „косами“ имелась в виду грива коня, то есть „Хайдах кокул“ — это молодой горячий конь с гривой». Автор, указывая на глубокую историческую память таджиков, отмечает: «По рассказам сторожил Самарканда и Пенджикента, в древности верили, чтодвигающийся с запада на восток весенний ветер прилетает в долину на белом коне, который имеет пышную гриву из вихрей и стройные ноги. В этом представлении точно изображен бог ветра в образе коня» [Эшонкулов, 2007: 635].

О том, какую роль играл конь в древности в духовной жизни населения Центральной Азии, свидетельствует его почитание как бога умирающей и воскресающей природы. Конь ассоциировался с именем Сиёвуша — *Siiāuuaršap* из рода кави — *kauii* (кеяниды), что в переводе с авестийского означает «черный жеребец» [Дьяконов, 1959: 42].

Часть «асп» — конь — была широко распространена в онимах и топонимах древней Центральной Азии. Так, среди онимов, упомянутых в «Авесте», встречаются имена, которые оканчиваются на «асп»: *Аурватаспа* — *Auruuaṣpa* (5.105; Yt. 13.132; 19.71), *Виштаспа* — *Kauii Vištāspa* (Ys. 12.7; 28.7; 41.16; 43.2; 46.14; Yt. 5. 98, 105, 109, 117, 132; 13.99, 100; 15.36; 17.49–52; 19.84–87, 93), *Pouruṣaspa* (Vd. 19.4, 6, 46; Ys. 9.13; Yt. 5.8), *Арэджатаспа* — *Arəjaṣpa* (Yt. 5.109, 113, 116; 9.30; 17.50; 19.87). Что касается топонимов, то согласно сообщениям античных авторов, столица Бактрии называлась Зариаспа (Ариан, 4.1, 7, 16; Страбон, 11.8.9; 11.11.2), то есть Златоконная.

Конь как ритуальное жертвенное животное зафиксирован в «Авесте», где неоднократно упоминается о жертвоприношениях жеребцов, коров и овец богине плодородия Ардвисуре Анахите (Ys. 44. 18; Yt. 5. 21, 25, 29, 33, 37, 41, 45, 49, 57, 68, 81, 108, 112, 116). Кости жертвенных животных, описываемых в источнике, в том числе лошадьми, обнаружены на Тахти-Сангине [Дружинина, Худжагелдыев, Ротт, 2008: 59]. Обряд жертво-

приношения тахтисангинцы посвящали богине Ардисуре Анахите, «растящей жито», «кормящей стадо» и «множащей богатство» [Ходжаева, 2017: 129; 2023: 152–153].

И. Гершевич отмечал, что Митра приобрел солярные черты на «востоке Ирана» [Gershevitch, 1959: 38, 41–42]. В своих исследованиях мы обращались к обнаруженной недавно на Тахти-Сангине надписи [Иванчик, 2001: 120–121, рис. 7], где фигурирует имя Митры — *meiṛo* [Иванчик, 2001: 120, сн. 30], отметив, что «древние иранцы отождествляли авестийского бога Митру-*miθra* с Солнцем» [Ходжаева, 2017: 75–76] и пришли к выводу, что «если Митра ассоциируется с Солнцем, то вполне вероятно, что жертвы лошадьми предназначались не только богине Ардисуре Анахите, и Амударье, несущей воды, но и Солнцу, без которых не может быть хорошего урожая» [Ходжаева, 2017: 179].

Наконец, следует отметить тот факт, что лошадь была одомашнена индоевропейцами, где ведущую роль играли древние иранцы, то есть арийцы. Е. Е. Кузьмина так пишет об этом: «Арии первыми в Старом Свете стали пасти огромные табуны коней, позднее они научились запрягать лошадей в повозки и выработали приемы их тренировки [Кузьмина, 1977а: 10]. О том, что предки таджиков были отличными знатоками выведения пород лошадей, писал и классик персидско-таджикской поэзии Омар Хайям: «В прежние времена никакой народ не знал коней, их достоинств и пороков лучше аджамцев³» (цит. по: [Морочник, Розенфельд, 1957: 122]).

Теперь поговорим о геометрических фигурах, изображенных на каменной крышке с Тахти-Сангина. На поверхности крышки имеется орнамент из треугольников, а на зооморфном фризе животные отделены друг от друга круглыми розетками, крестами и вытянутыми прямоугольниками. Перечисленные фигуры составляют единую композицию с изображением лошадей и газелей. Как мы уже выяснили, лошадь/конь у населения Тахти-Сангина — и сакральное животное, и атрибут инкарнации, и жертвенное животное богов авестийского пантеона. То, что лошади и геометрические фигуры стоят рядом, — не случайность. Все эти геометрические фигуры относятся к сакральной геометрии, которая так же, как и орнамент, отображает представления человека об окружающем мире. Следовательно, геометрические фигуры как сакральные символы играли большую роль в мировоззрении древних людей, особенно земледельцев.

Известно, что у древних иранцев крест ассоциировался с символом солнца [Немолевский, 1927: 70; Хлопин, 1962: 17]. С древнейших времен крест и круг являлись символами Солнца не только у древних иранцев, но и у других народов. История появления этих двух символов имеет глубокие корни, следы которых следует искать в период, когда человек научился добывать огонь. Для розжига использовались два крест-накрест сложенных куса дерева, при трении которых добывался священный огонь (см.: [Городцев, 1923: 282]). Древние люди понимали, что от солнца и огня зависела их жизнь, поэтому они тесно связывали два этих понятия. Вот почему два куса дерева, сложенные в виде креста, они связывали с солнцем и огнем, а значит и с жизнью. Тем самым крест у древних людей олицетворялся с огнем и солнцем. Таким образом они выражали свое поклонение силам природы.

³ Аджамцами у арабов назывались ираноязычные мусульманские народы, проживающие в Хорасане, Мавераннахре и Туркестане.

С появлением земледелия у древних иранцев значение солнца в их жизни вытеснило значение огня. Так как солнце становится не только источником света и тепла, но и плодородия. Теперь солнце — небесный огонь — является богом-спасителем, а свастика и крест оказались подходящими символами солнечных богов-спасителей, заменивших спасителя-огня. Так, астральный культ у древних иранцев был замещен на астрально-земледельческий, а свастика и крест приобретают значение символов астрально-земледельческого культа солнечных богов-спасителей.

Чтобы привлечь внимание солнца и получить его благосклонность, люди изображали символы креста на одежде, домашней посуде, украшениях и оружии. Об этом свидетельствуют многочисленные находки с археологических памятников Центральной Азии, в том числе и каменная крышка с Тахти-Сангина.

Форма креста отразилась также и на планировке культовых сооружений Центральноазиатского региона. Наглядным примером тому служит крестообразный в плане храм-мавзолей Кой-Крылган-кала (IV в. до н. э. — III в. н. э.), расположенный в низовьях Амударьи [Толстов, 1962: 133–134; Кой-Крылган-кала, 1967: 227–229]. В древности — это территория Хорезма, страна, упоминаемая в «Авесте» (Yt. 10.14). О том, что памятник связан с культом Солнца, свидетельствует, обнаруженная там крышка сосуда с изображением креста, вписанного в круг с отходящими лучами [Кой-Крылган-кала, 1967: 229].

С культом Солнца связан также раннесредневековый храм Зонг (VI–VII вв.) с планировкой свободного креста в Ишкашимском районе Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан [Бубнова. 1982: 179–181].

Изображение креста наблюдается и в мусульманской архитектуре Центральной Азии. Следует упомянуть дворец Хуттальского правителя в Хульбуке (X–XI вв.) [Филимонова, Ахметзянов, Ходжаев, Ходжаев, 2020: 33, рис. 48] на юге Таджикистана и мавзолей Мухаммада Башоро (XI–XIV вв.) [Бретаницкий, 1958: 354, рис. 23] на северо-западе Таджикистана. В оформлении портала этих архитектурных памятников присутствует изображение свастики и креста. Кроме того, изображение креста встречается в орнаменте резьбы по ганчу в Хульбуке [Филимонова, Ахметзянов, Ходжаев, Ходжаев, 2020: 87–88, рис. 117].

Крест и свастика зафиксированы и на орнаменте посуды таджиков XVIII — начала XX в. [Пещерова, 1959: 109–115, рис. 35]. Это свидетельствует о том, что после принятия ислама таджики продолжали хранить свои древние духовные традиции.

Древний солнечный символ продолжает присутствовать во всех видах народного искусства таджиков и в настоящее время. Крест можно встретить в орнаментике сюзане — вышитым вручную ковре, чакане — национальном таджикском платье, украшенном вышивкой, джурабах — традиционных памирских носках, а также на ювелирных украшениях.

Л. Додхудоева, приводит в пример работы современных художников Таджикистана, в которых присутствует «древняя культовая атрибутика изображения равноконечного креста „нархи фалак“ — знака огня и солнца, спасения и милосердия, творца Мира, символа четырех стихий („чор унсур“), который являлся дарителем плодородия». Такое же значение, по мнению ученой, придавалось изображению оберега «чор чирог»

в виде светильника-креста с четырьмя фитилями, обращенными в разные стороны. Подобное изображение изначально отождествлялось с понятием «чор унсур» и означало четыре первоэлемента бытия (земля, вода, воздух, огонь), о которых говорится в «Авесте» [Додхудоева, 2024: 107]. Таким образом, приведенные Л. Додхудоевой примеры изображения креста свидетельствуют о преемственности у таджиков древних религиозных традиций.

Следует отметить, что в культовой символике древних иранцев круг также являлся символом Солнца. На крышке с Тахти-Сангина изображены круглые розетки. Скорее всего, это объясняется тем, что солнце имеет круглую форму.

Заметим, что изначально главный символ зороастризма — фаравахар, *faravahar* (авест. *fravaši*) — изображал собой окрыленное солнце, а образ человека к нему добавился позже. Крылатый диск символизировал солнце, а значит, божественную силу и власть.

Вероятнее всего, свадебный обряд хождения молодых вокруг костра три раза, который встречается у таджиков и в наше время, тоже связан с почитанием солнца.

Круг, как и крест, также присутствует в орнаменте сюзана, чакана, джурабах и ювелирных украшений. В целом, изображение этих двух солярных символов свидетельствует о том, что по представлениям современных таджиков они могут обеспечить им благополучие и плодovitость.

Что касается изображения прямоугольника, то его значение следует искать в представлении о четырех стихиях — земле, воде, воздухе и огне, которые, согласно зороастрийской религии, являются священными и не должны оскверняться. Древние иранцы также связывали символ в форме прямоугольника с четырьмя сторонами света, так как квадрат олицетворял землю. Вполне вероятно, этот символ, как и крест, отождествлял у древних иранцев четырех божеств зороастрийского пантеона — Ардвисуру Анахиту, Митру, Тиштрию и Вайу, соединенных в единый культ земледелия, составляя при этом единство, образуемое четырьмя элементами, то есть тетраду [Гиршман, 1978: 71]. Тем самым этот единый культ плодородия символизировал собой завершенный земледельческий цикл.

Обратим внимание на то, что ядром всех зороастрийских храмов является квадратный четырехколонный зал. Автор статьи высказывал точку зрения о том, что храм Окса с Тахти-Сангина — зороастрийский храм, объясняя это тем, что «его месторасположение было идеально для вычисления времени наступления празднования Навруза и Мехргона, то есть весеннего и осеннего равноденствия. Население Тахти-Сангина приходило в храм поклоняться богине Митре, Ардвисуре Анахите, Вайу и Тиштрии, от которых зависит земледельческий цикл» [Ходжаева, 2023: 221–229].

Прямоугольник и квадрат присутствуют в орнаменте сюзана, чакана, джурабах и ювелирных украшений современных таджиков и в настоящее время.

Самыми многочисленными фигурами на крышке с Тахти-Сангина являются треугольники. Треугольник также читается одним из древнейших символов, который использовался в орнаментах древних народов. Треугольник, как крест и квадрат, рассматривался древними людьми в качестве символа плодородия и возрождения природы. Треугольник у древних людей был связан с земледельческими работами, природой и ее календарными циклами, символизируя воздух, землю и огонь. Этот символ соответ-

ствуется нравственной основе зороастризма, которую составляет триада — благие мысли, благие слова и благие деяния.

Необходимо отметить, что вплоть до настоящего времени у замужних таджичек и женщин всего Центральноазиатского региона популярны металлические туморы — футляры для охранной молитвы в форме треугольника. Подобные амулеты-обереги молодые женщины носят для плодovitости. Отсюда следует, что и в нынешнее время форма треугольника не утратила своего значения, связанного с культом плодородия и способствующего многочисленному потомству.

Заключение

Сравнительный анализ изображений на каменной крышке с Тахти-Сангина с письменными источниками, археологическим и этнографическим материалами привел нас к следующим выводам:

1. У населения Тахти-Сангина, как и всей Бактрии, конь был атрибутом инкарнации и жертвенным животным богов авестийского пантеона. Образ коня выражался следующими семантическими признаками: плодородный, соляренный, хтонический и жертвенный.

2. Геометрические фигуры крест, квадрат, круг и треугольник у древних иранцев являются символами, связанными с культом плодородия и с авестийскими божествами Митрой, Ардвисурой Анахитой, Тиштрией и Вайу, от которых, согласно зороастрийским убеждениям, зависит земледельческий цикл.

3. Крышка является крышкой сосуда, который не может быть пиксидой, то есть емкостью для хранения украшений и косметики. Это объясняется тем, что она изготовлена из камня и весит 1 кг. Обычно пиксиды изготавливали из более легкого материала (слоновая кость, медь, дерево). Для женщин подобный сосуд неудобен в употреблении. Вероятнее всего, каменный сосуд, которому принадлежала крышка, имел ритуальное назначение и предназначался для использования во время обрядовых действий в храме Окса.

Таким образом, полученные выводы дают нам основание предположить, что образы животных и орнамент на крышке с Тахти-Сангина носят культовый характер и связаны с культом плодородия, демонстрируя в целом цикл религиозных представлений населения Северной Бактрии, которое даже после прихода греков продолжало оставаться верным своей древней религии — зороастризму.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Авеста в русских переводах (1861–1996) / сост., ред. И. В. Рак. СПб. : Журнал «Нева»: Летний Сад, 1998. 480 с.

Андреев М. С. Половцев А. А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии // Сборник материалов по археологии и этнографии. СПб., 1911. № 9. С. 4–41.

Антонова Е. В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции восприятия. М. : Наука, 1984. 262 с.

Арриан Ф. Поход Александра. СПб. : Алетей, 1993. 386 с.

Беленицкий А. М. Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и евразийских степей в древности и раннем средневековье // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 154. 1978. С. 31–39.

Беленицкий А. М. Хуттальская лошадь в легенде и историческом предании // Советская этнография. 1948. № 4. С. 162–167.

Бичурин Н. Я. (о. Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. СПб., 1851. Ч. III. 274 с.

Бретаницкий А. С. Об одном малоизвестном памятнике таджикского зодчества // Материалы и исследования по археологии СССР. М. ; Л., 1958. С. 325–357.

Бубнова М. А. Работы Памирского археологического отряда на Западном Памире в 1976 году // Археологические работы в Таджикистане. 1982. Вып. XVI. С. 171–184.

Гиршман Р. М. Религии Ирана от VIII в. до н. э. до периода ислама // Культура Востока: древность и раннее средневековье. Л. : Аврора, 1978. С. 67–73.

Городцев В. А. Археология. Т. I. Каменный век. М. ; Пг. : Государственное издательство, 1923. 404 с.

Додхудоева Л. Наследие Тахти Сангина и современная культура Таджикистана. Душанбе : Дониш, 2023. 194 с.

Дружинина А. П. Предварительные результаты исследования городища Тахти-Сангин и определение границ эллинистического города // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XXIX. 2004. С. 224–236.

Дружинина А. П. Крышка каменной пиксиды с зооморфным фризом с городища Тахти-Сангин. Новая находка на территории древней Бактрии // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2004а. № 3. С. 131–158.

Дружинина А. П. Строительные элементы и объекты ахеменидского времени из храма Окса // Тахти-Сангин как пример синтеза цивилизаций Востока и Запада: материалы Международного научного симпозиума, посвященного 2500-летию городища Тахти-Сангин (Душанбе, 4–6 октября 2023 г.). Душанбе : Дониш, 2023. С. 6–22.

Дружинина А. П., Худжагелдыев Т. У., Ротт Ф. Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахти-Сангин в 2006 г. // Археологические работы в Таджикистане. 2008. Вып. XXXII (2006 г.). С. 50–76.

Дьяконов М. Н. Образ Сиявуша в среднеазиатской мифологии // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. 1959. Вып. 40. С. 34–53.

Иванчик А. И. Новые греческие надписи из Тахти-Сангина и проблема возникновения бактрийской письменности // Вестник древней истории. 2001. Вып. 4. С. 110–131.

Каландарова О. И. Семантика сюжетов ювелирных украшений Бактрии-Тохаристана и Согда : дис. ... канд. ист. наук. Душанбе, 2000. 239 с.

Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э. — IV в. н. э. / отв. ред. С. П. Толстов, Б. И. Вайнберг. М. : Наука, 1967. 348 с.

Кузьмина Е. Е. Распространение коневодства и культ коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и раннем средневековье (история и культура). М. : Наука, 1977. С. 28–52.

Кузьмина Е. Е. В стране Кавата и Афрасиаба. М. : Наука, 1977а. 141 с.

Кузьмина Е. Е. Конь в культуре иранцев // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура: материалы Международной науч-

ной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого. Санкт-Петербург, 2–5 ноября 2004 г. СПб. : ИИМК РАН, 2004. С. 116–118.

Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2: Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М. : Восточная литература РАН, 2001. 528 с.

Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М. : Восточная литература РАН, 2010. 664 с.

Литвинский Б.А., Виноградов Ю.Г., Пичикян И.Р. Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии // Вестник древней истории. 1985. № 4. С. 84–116.

Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Тахти-Сангин — Каменное городище // Археологические работы в Таджикистане. 2004. Вып. XIX (1979 г.). С. 104–136.

Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. М. : Восточная литература РАН, 2000. 503 с.

Мардонова А. Культ коня в семейных обрядах таджиков Гиссарской долины // Культура кочевников на рубеже веков (XIX–XX, XX–XXI вв.): проблемы генезиса и трансформации : материалы Международной конференции. Алматы, 5–7 июня 1995 г. Алматы, 1995. С. 203–221.

Марочник С.Б., Розенфельд Б.А. Омар Хайям — поэт, мыслитель, ученый. Сталинабад : Таджикгосиздат, 1957. 209 с.

Немоевский А. История креста // Атеист. 1927. № 16. С. 67–80.

Пещерова Е.М. Гончарное производство Средней Азии. М. ; Л., 1959. 397 с.

Писарчик А.К. Смерть, похороны // Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе : Дониш, 1976. Вып. 3. 256 с.

Пичикян И.Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды : очерки. М. : ГРВА, 343 с.

Ригведа. Мандалы I–IV. Изд. второе, испр. / подг. Т.Я. Елизаренковой. М. : Наука, 1999. 768 с.

Ригведа. Мандалы V–VIII. Изд. второе, испр. / подг. Т.Я. Елизаренковой. М. : Наука, 1999а. 745 с.

Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований у узбеков Хорезма. Л. : Наука, 1969. 336 с.

Страбон. География: в 17 кн. М. : Наука, 1964. 940 с.

Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М. : Изд-во МГУ, 1948. 352 с.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М. : Восточная литература, 1962. 324 с.

Филимонова Т.Г., Ахметзянов М.Р., Ходжаев Ш.Р., Ходжаев А.Р. Археологическая карта Таджикистана. Восейский район. Душанбе, 2020. 376 с.

Хамиджанова М.А. Некоторые архаические погребальные обряды таджиков // Памяти А.А. Семенова. Сборник статей по истории, археологии, этнографии и искусству Средней Азии. Душанбе : Дониш, 1980. С. 287–293.

Хлопин И. Н. Изображение креста в древнеземледельческих культурах Южной Туркмении // Краткие сообщения Института археологии академии наук СССР. 1962. Вып. 91. С. 14–21.

Ходжаева Н. Дж. Историческая география Центральной Азии в доисламский период. Душанбе : Дониш, 2017. 380 с.

Ходжаева Н. Дж. Тахти-Сангин в истории и культуре Центральной Азии. Душанбе : Дониш, 2023. 318 с.

Чвырь Л. А. Очерки культурного синтеза в Туркестане (I–II тыс. н. э.). СПб. : Нестор-историк, 2018. 239 с.

Эшонкулов У. История земледельческой культуры горного Согда (с древнейших времен до начала XX в.). Душанбе : Деваштич, 2007. 849 с.

Avesta. URL: <http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etsc/iran/airan/avesta/avest.htm> (дата обращения: 03.02.2025).

Drujinina A. A Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity // Bulletin of MIHO Museum. 2016. Vol. 16. P. 53–119.

Francfort H.-P. Takht-i Sangin: on the pre-Hellenistic finds // Тахти-Сангин как пример синтеза цивилизаций Востока и Запада: материалы Международного научного симпозиума, посвященного 2500-летию городища Тахти-Сангин (Душанбе, 4–6 октября 2023 г.). Душанбе: Дониш, 2023. С. 6–22 (на англ. яз.).

Gershevitch I. The avestan Hymn to Mithra. Cambridge: Cambridge univ. press, 1959. 357 p.

Pulleyblank E. G. Chienese and Indo-Europeans // Journal of the Royal Asiatic Society. 1966. Vol. I–II. P. 9–39.

Drège J.-P., Grenet F. [Дреж Ж.-П., Грене Ф.] Un Temple de l'Oxus près de Takht-i Sangin, d'après un témoignage chinois du VIIIe s [Храм Окса около Тахти-Сангина по китайским свидетельствам VIII века] // Studia Iranica. 1987. № 16/1. P. 117–121 (на фр. яз.).

Francfort H.-P. [Франкфор А.-П.] Fouilles d'Aï Khanum III. Le sanctuaire du temple à niches identées 2 [Раскопки в Ай-Ханум III. Святылище храма с ложными нишами. 2]. Paris: Diffusion de Boccard, 1984. 143 p. (на фр. яз.)

Francfort H.-P. [Франкфор А.-П.] Les modèles gréco-bactriens de quelques reliquaries et palettes à fards «gréco-buddique» [Греко-бактрийские образцы некоторых реликвариев и косметических палет «греко-буддийского» стиля] // Arts Asiatiques. 1976. T. XXXII. P. 92–98 (на фр. яз.).

Guillaume O., Rougeulle A. [Гийом О., Ругель А.] Fouilles d'Aï Khanum VII. Les petit objects [Раскопки в Ай-Ханум VII. Мелкие находки]. Paris: Diffusion de Boccard, 1987. 145 p. (на фр. яз.).

References

Andreev M. S., Polovtsev A. A. Materialy po etnografii iranskikh plemyon i narodnostei [Materials on the Ethnography of the Iranian Tribes of Central Asia]. *Sbornik materialov po arkheologii i etnografii* [Collection of Materials on Archeology and Ethnography]. St. Petersburg, 1911, no 9, pp. 4–41 (in Russian).

Antonova E. V. *Ocherki kul'tury drevnikh zemledel'tsev Perednei i Srednei Azii / Opyt rekonstruktsii vospriyatiya* [Essays on the Culture of Ancient Farmers of Western and Middle Asia. Experience of Perception Reconstruction]. Moscow: Nauka, 1984, 262 p. (in Russian).

Arrian F. *Pokhod Aleksandra* [The Campaigns of Alexander]. St. Petersburg: Aleteiya, 1993, 386 p. (in Russian).

Avesta. URL: <http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etsc/iran/airan/avesta/avest.htm> (accessed at February 3, 2025).

Belenitskii A. M. Kon' v ku'ltakh I ideologicheskikh predstavleniyakh narodov Srednei Azii i evraziiskikh stepei v drevnosti I rannem srednevekov'e [The horse in the cults and ideological representations of the peoples of Central Asia and the Eurasian steppes in antiquity and the early Middle Ages]. *Kratkie soobtscheniya instituta arkheologii SSSR* [Brief reports of the Institute of Archeology of the SSSR]. 1978, iss. 154, pp. 31–39 (in Russian).

Belenitskiy A. M. Khutal'skaya loshad' v legendakh i istoricheskom predanii [Huttal horse in legend and historical legend]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography] 1948, no. 4, pp. 162–167 (in Russian).

Bichurin N. Ya. (Iakin'). *Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena* [Collection of Information About the Peoples Lived in Middle Asia in Ancient Times]. St. Petersburg, 1851, pt. III, 274 p. (in Russian).

Bretanitskii L. S. Ob odnom maloizvestnom pamyatnike tadjikskogo zodchestva [About a little-known monument of Tajik architecture]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and research on the archeology of the USSR]. Moscow-Leningrad, 1958, pp. 325–357 (in Russian).

Bubnova M. A. Raboty Pamirskogo arkheologicheskogo otryada na Zapadnom Pamire v 1976 godu [The work of the Pamir Archaeological team in the Western Pamirs in 1976]. *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane* [Archaeological works in Tajikistan]. 1982, iss. XVI (1976), pp. 171–184 (in Russian).

Chvyr' L. A. *Ocherki kul'tury cinteza v turkestane (I–II tys. n. e.)* [Essays on Cultural Synthesis in Turkestan (1st–2nd millennium AD)]. St. Petersburg: Nestor-istorik, 2018, 239 p. (in Russian).

D'yakonov M. N. Obraz Siyavusha v sredneaziatskoi mifologii [The image of Siyavush in Middle Asian mythology]. *Kratkie soobtscheniya instituta istorii i material'noi kul'tury* [Brief reports from the Institute of History and Material Culture]. 1959, iss. 40, pp. 34–53 (in Russian).

Dodkhudoeva L. *Nasledie Takhti Sangina i sovremennaya kul'tura Tadzhikistana* [Heritage of Takht-i Sangin and Modern Culture of Tajikistan]. Dushanbe: Donish, 2023, 194 p. (in Russian).

Drège J.-P., Grenet F. Un Temple de l'Oxus pre de Takht-i Sangin, d'apre un temoignage chinois du VIIIe s [Un Temple de l'Oxus prè de Takht-i Sangin, d'après un témoignage chinois du VIIIe s]. *Studia Iranica*. 1987, no 16/1, pp. 117–121 (in French).

Drujinina A. A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. *Bulletin of MIHO Museum*. 2016, vol. 16, pp. 53–119. (in Russian).

Druzhinina A. P. *Stroitel'nye element i obekty akhemenidskogo vremeni iz khrama Oksa* [Building elements and objects of the Achaemenid period from the temple of the Oxus].

Takhti Sangin kak primer sinteza tsivilizatsiy Vostoka i Zapada. Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo sipoziyuma, posvyatschennogo 2500-letiyu goroditscha Takhti Sangin. (Dushanbe, 4–6 oktyabrya 2023 g.) [Takht-i Sangin as an Example of the Synthesis of Civilizations of the East and the West. Pros. of International Scientific Symposium dedicated to the 2500 anniversary of the site of Takht-i Sangin Sangin (Dushanbe, October 4–6, 2023)]. Dushanbe: Donish, 2023, pp. 6–22 (in Russian).

Druzhinina A. P. Kryshka kamennoi piksidy s zoomorfnym frizom s goroditscha Takhti Sangin. Novaya Nakhodka na territorii Baktrii [The lid of a stone pyxis with a zoomorphic frieze from the site of Takht-i Sangin. A new discovery on the territory of ancient Bactria]. *Archaeologiya, etnographiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Euroasia]. Novosibirsk, 2004a, no. 3, pp. 131–158 (in Russian).

Druzhinina A. P. Predvoritel'nye rezul'taty issledovaniya goroditscha Takhti Sangin i opredelenie granits ellinisticheskogo goroda [Preliminary results of the study of the site of Takht-i Sangin and the definition of the boundaries of the Hellenistic city]. *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane* [Archaeological works in Tajikistan]. 2004, iss. XXIX, pp. 224–236 (in Russian).

Druzhinina A. P., Khudzhageldyev, Rott F. Otchyot o raskopkakh na plotschadi khrama Oksa na goroditsche Takhti Sangin v 2006 g. [Excavation report on the Oxus Temple square at the site of Takhtii in 2006]. *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane* [Archaeological works in Tajikistan]. 2008, iss. XXXII (2006 r.), pp. 50–76 (in Russian).

Eshonkulov U. *Istoriya zemledel'cheskoi kul'tury gornogo Sogda (s drevneishikh vremyon do nachala XX v.)* [The History of Agricultural Culture of Gorny Sogd (From Ancient Times to the Beginning of the XX century)]. Dushanbe: Devashtich, 2007, 849 p. (in Russian).

Filimonova T. G., Akhmetzyanov M. R., Khodzhaev Sh. R., Khodzhaev A. R. *Arkheologicheskaya karta Tadzhikistana. Voseiskii raion* [Archaeological Map of Tajikistan. Vose District]. Dushanbe, 2020, 376 p. (in Russian).

Francfort H.-P. *Fouilles d'Ai Khanum III. Le sanctuaire du temple a niches indentees 2* [Fouilles d'Ai Khanum III. Le sanctuaire du temple à niches indentées 2]. Paris: Diffusion de Bocard, 1984, 143 p. (in French).

Francfort H.-P. Les modeles greco-bactriens de quelques reliquaries et pallettes a fards “greco-buddique” [Les modèles gréco-bactriens de quelques reliquaries et pallettes à fards “gréco-buddique”]. *Arts Asiatiques*. 1976, vol. XXXII, pp. 92–98 (in French).

Francfort H.-P. Takht-i Sangin: on the pre-Hellenistic finds. *Takhti-Sangin kak primer sinteza tsivilizatsiy Vostoka i Zapada. Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma, posvyashchennogo 2500-letiyu gorodishcha Takhti-Sangin (Dushanbe, 4–6 oktyabrya 2023 g.)* [Takhti-Sangin as an Example of the Synthesis of Eastern and Western Civilizations. Proceedings of the International Scientific Symposium Dedicated to the 2500th Anniversary of the Takhti-Sangin Site (Dushanbe, October 4–6, 2023)]. Dushanbe: Donish, 2023, pp. 6–22.

Gershevitch I. *The avestan Hymn to Mithra*. Cambridge: Cambridge univ. press, 1959, 357 p.

Girshman R. M. Religii Irana ot VIII v. do n. e. do perioda islama [Religions of Iran from the 8th century BC to the period of Islam]. *Kul'tura Vostoka: drevnost' I rannee srednevekov'e*

[Culture of the East: Antiquity and the Early Middle Ages]. Leningrad: "Avrora" Publ., 1978, pp. 67–73 (in Russian).

Gorodtsev V.A. *Archaeologiya. T.I. Kamennyi vek* [Archaeology. Vol. I. Stone Age]. Moscow-Petrograd: Gosudarstvennoe Publ., 1923, 404 p. (in Russian).

Guillaume O., Rougeulle A. *Fouilles d'Aï Khanum VII. Les petits objets* [Fouilles d'Aï Khanum VII. Les petit objects]. Paris: Diffusion de Boccard, 1987, 145 p. (in French).

Ivanchik A. I. Novye grecheskie nadpisi iz Takhti Sangina I problema vozniknoveniya baktriiskoi pis'mennosti [New Greek inscriptions from Takht-i Sangin and the problem of the emergence of the Bactrian script]. *Vestnik drevnei istorii* [Bulletin of Ancient History]. 2001, iss. 4, pp. 110–131 (in Russian).

Kalandarova O.I. *Semantika yuvelirnykh ukrashenii Baktrii-Tokharistana i Sogda. Diss kan. ist nauk* [Semantics of jewelry plots in Bactria-Tokharistan and Sogd. Ph. D. Thesis in History]. Dushanbe, 2000, 239 p. (in Russian).

Khamidzhanova M.A. Nekotoryye arkhaischeskie pogrebal'nye obryady tadzhikov [Some Archaic Funeral Rites]. *Pamyati A.A. Semyonova. Sbornik statei po istorii, arkheologii i etnografii Srednei Azii* [In Memory of A.A. Semenov. Collection of Articles on the History, Archeology, Ethnography and Art of Central Asia]. Dushanbe: Donish, 1980, pp. 287–293 (in Russian).

Khlopin I.N. Izobrazhenie Kresta v drevnezemledel'cheskikh kul'turakh Yuzhnoi Turkmenii [The image of the Cross in the Ancient Agricultural Cultures of Southern Turkmenistan]. *Kratkie soobtscheniya instituta arkheologii SSSR* [Brief reports of the Institute of Archeology of the SSSR]. 1962, iss. 91, pp. 14–21 (in Russian).

Khojaeva N.J. *Istoricheskaya geografiya Tsentral'noi Azi v doislamskii period* [Historical Geography of Central Asia in pre-Islamic period]. Dushanbe: Donish, 2017, 380 p. (in Russian).

Khojaeva N.J. *Takhti Sangin v istorii i kul'ture Tsentral'noi Azii* [Takht-i Sangin in the History and Culture of Central Asia]. Dushanbe: Donish, 2023, 318 p. (in Russian).

Kuz'mina E. E. Kon' v kul'ture irantsev [The horse in the culture of the Iranians]. *Tsentral'naya Aziya ot Akhemenidov do timuridov: arkheologiya, istoriya, etnologiya, kul'tura. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvytchennoi 100-letiyu so dnya rozhdeniya Aleksandra Markovicha Belenitskogo. Sankt-Peterburg, 2–5 noyabrya 2004 goda* [Central Asia from the Achaemenids to the Timurids: archaeology, history, ethnology, culture. Proc. of the International Scientific Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of Alexander Markovich Belenitsky. St. Petersburg, November 2–5, 2004]. St. Petersburg: IIMK RAN, 2004, pp. 16–18 (in Russian).

Kuz'mina E. E. Rasprostranenie konevodstva i kult konya y iranoyazychnykh plemen Srednei Azii i drugikh narodov Starogo sveta [The spread of horse breeding and the cult of the horse among the Iranian-speaking tribes of Middle Asia and other peoples of the Old World]. *Srednyaya Aziya v drevnosti I rannem Srednevekov'e (istoriya I kul'tura)* [Middle Asia in Antiquity and the Early Middle Ages (history and culture)]. Moscow: Nauka, 1977, pp. 28–52 (in Russian).

Kuz'mina E. E. *V strane Kavata i Afrasiyaba* [In the country of Kawat and Afrasiab]. Moscow: Nauka, 1977a, 141 p. (in Russian).

Litvinsky B. A. *Khram Oksa v Baktrii (Yuzhnyi Tadzhikistan). T. 2: Baktriiskoe vooruzhenie v drevnevostochnom i grecheskom kontekste* [The Temple of the Oxus in Bactria (Southern Tajikistan). Vol. 2. Bactrian arm and Armour in the ancient Eastern and Greek context]. Moscow: "Vostochnaya literature" RAN Publ., 2001, 528 p. (in Russian).

Litvinsky B. A. *Khram Oksa v Baktrii (Yuzhnyi Tadzhikistan). T. 3: Iskusstvo, khudozhestvennoe, muzykal'nye instrumenty*. [The Temple of the Oxus in Bactria (Southern Tajikistan). Vol. 3. Art, Fine Art, Musical Instruments]. Moscow: Vostochnaya literature RAN Publ., 2010, 664 p. (in Russian).

Litvinsky B. A., Pichikyan I. R. *Ellinisticheskii Khram Oksa v Baktrii (Yuzhnyi Tadzhikistan). T. 1: Raskopki, arkhitektura, religioznaya zhizn'* [The Hellenistic Temple of the Oxus in Bactria (Southern Tajikistan). Vol. 1: Excavations, Architecture, Religious Life. Moscow: Vostochnaya literature RAN Publ., 2000, 503 p. (in Russian).

Litvinsky B. A., Pichikyan I. R. Takhti Sangin — Kamennoe goroditshe [Takht-i Sangin — Stone site]. *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane* [Archaeological works in Tajikistan]. 2004, iss. XIX (1979), pp. 104–136 (in Russian).

Litvinsky B. A., Vinogradov Yu. G., Pichikyan I. R. Votiv Atrosoka iz khrama Oksa v Severnoi Baktrii [Votive of Atrosok from the temple of the Oxus in Northern Bactria]. *Vestnik drevnei istorii* [Bulletin of Ancient History]. 1985, iss. 4, pp. 84–116 (in Russian).

Mardonova A. Kul't konya v semeinykh obryadakh nadzhikov Gissarskoi doliny [The Cult of the Horse in the Family Rituals of the Tajiks of the Gissar Valley]. *Kul'tura kochevnikov na rubezhe vekov (XIX–XX, XX–XXI vv.): problem genezisa i transformatsii. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii g. Almaty, 1995* [Nomad Culture at the Turn of the Century (XIX–XX, XX–XXI centuries): Problems of Genesis and Transformation. Proceedings of the International Conference Almaty, June 5–7, 1995]. Almaty, 1995, pp. 203–221 (in Russian).

Marochnik S. B., Rozenfel'd B. A. *Omar Khayam — poet, myslitel', uchyonyi* [Omar Khayyam — poet, thinker, scientist]. Stalinabad: Tadzhikgosizdat, 1957, 209 p. (in Russian).

Nemoevskiy A. Istoriya Kresta [The history of the Cross]. *Ateist* [The atheist]. 1927, no. 16, pp. 67–80 (in Russian).

Petscherova E. M. *Goncharnoe proizvodstvo v Srednei Azii* [Pottery production in Middle Asia]. Moscow — Leningrad, 1959, 397 p. (in Russian).

Pichikyan I. R. *Kul'tura Baktrii. Akhemenidskii i ellinisticheskii periody. Ocherki* [Culture of Bactria. Achaemenid and Hellenistic periods. The essays]. Moscow: GRVL, 343 p. (in Russian).

Pisarchik A. K. Smert', pokhorony [Death, funeral]. *Tadzhiki Karategina i Darvaza* [The Tajiks of Karategin and Darvaza]. Dushanbe: Donish, 1976, iss. 3, 256 p. (in Russian).

Pulleyblank E. G. Chienese and Indo-Europeans. *Journal of the Royal Asiatic Society*. 1966, Vol. I–II, pp. 9–39.

Rak I. V. (ed) *Avesta v russkikh perevodakh (1861–1996)* [Avesta in Russian Translations]. St. Petersburg: Zhurnal "Neva": Letnii Sad, 1998, 480 p. (in Russian).

Rigveda. Mandaly I–IV. [Rig Veda. Mandalas I–IV]. Moscow: Nauka, 1999, 768 p. (in Russian).

Rigveda. Mandaly V–VIII [Rig Veda. Mandalas V–VIII]. Moscow: Nauka, 1999a, 745 p. (in Russian).

Snesarev G. P. *Relikty domusul'manskikh verovanii u uzbekov Khorezma* [Relics of pre-Muslim beliefs among Uzbeks of Khorezm]. Leningrad: Nauka, 1969, 336 p. (in Russian).

Strabon. *Geografiya v 17 knigakh* [Geography in 17 books]. Moscow: Nauka, 1964, 940 p. (in Russian).

Tolstov S. P. *Drevnii Khorezm. Opyt istoriko-arkheologicheskogo issledovaniya* [Ancient Khorezm. The experience of historical and archaeological research]. Moscow: MGU Publ., 1948, 352 p. (in Russian).

Tolstov S. P. *Po drevnim del'tam Oksa i Yaksarta* [Along the ancient deltas of the Oxus and Jaxartes]. Moscow: Vostochnaya literature Publ., 1962, 324 p. (in Russian).

Tolstov S. P., Vainberg B. I. (eds.) *Koi-Krylgan-kala — pamyatnik kul'tury drevnego Khorezma IV v. do n. e. — IV v. n. e.*, [Koi-Krylgan-kala is a cultural monument of ancient Khorezm of the 4th century BC — 4th century AD]. Moscow: Nauka, 1967, 348 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 03.03.2025

Принята к публикации: 19.10.2025

Дата публикации: 29.12.2025